

Преображенский Евгений Алексеевич

Анархизм и коммунизм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е14

Е14 **Евгений Алексеевич П.**
Анархизм и коммунизм / Преображенский Евгений Алексеевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 114 с.

ISBN 978-5-519-79495-4

Всемирная история -- Классовая борьба. общественно-политические движения --
Анархизм, Марксизм-ленинизм -- Марксистско-ленинская философия -- Научный комму-
низм -- Общие работы по социализму и коммунизму

ISBN 978-5-519-79495-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ АВТОРА.

Эта брошюра в том виде, в каком она появилась в первом издании, была написана на Урале летом 1918 года в период чехо-словацкого восстания. Для второго издания мне пришлось основательно переделать текст первого издания и, кроме того, написать три новых главы. Три года назад в стране наблюдалось усиление анархических влияний, что побудило меня тогда написать эту брошюру. Усиление анархических настроений в 1921 г. заставляет выпустить второе издание, все недостатки которого и неполнота в освещении вопроса объясняются спешностью работы. Если хорошая коммунистическая литература сильно содействует успеху пролетарской революции, то, наоборот, хорошая пролетарская революция не особенно способствует появлению хорошей литературы. С этим приходится мириться.

Посвящаю эту работу геройским отрядам уральских рабочих, принявших на себя первые удары чехо-словацкой контр-революции, и их боевому вождю — товарищу Мрачковскому.

Слово «анархия» в переводе с греческого языка означает безвластие. Анархисты, следовательно, это—люди, которые стремятся к такому общественному строю, где не будет существовать никакой власти, никакого принуждения, где будет царить полная свобода.

Ну, а разве большевики-коммунисты, спросит иной читатель, разве они считают, что полная свобода хуже, чем жизнь с принуждением, от кого бы оно ни исходило?

Нет,—ответят коммунисты.—Полная свобода для человека и человеческого общества лучше, чем жизнь с урезанной свободой, чем необходимость хоть в чем-либо поступать по принуждению и против своей воли. Но если спросить, например, буржуазного либерала, какой окончательный идеал либеральной партии, то и либерал скажет, что полная свобода человека и человечества является самой благородной целью в борьбе. Выходит, что пожелание относительно «полной свободы» не дает никакой возможности различить коммуниста от анархиста, да, кроме того, заставляет взять в свою компанию буржуазного либерала и вообще всех людей, партийных ли или беспартийных, которые прекрасно сознают выгоды свободы в сравнении с необходимостью и принуждением, либо выгоды для себя разговоров и болтовни о свободе.

Надо нам поэтому искать других пунктов, где бы можно было уловить главное расхождение между анархистами и коммунистами. Воспользуемся тем, что анархисты постоянно повторяют в своих брошюрах, в газетах и речах фразу: мы—противники всякого насилия, мы—противники всякой государственной власти, как органа насилия. Возьмем эту фразу и зададим анархистам вопрос: а если государственной властью овладели трудящиеся массы и используют ее для подавления своих врагов, вы против и такой власти?

Тут мы уже от самих анархистов получим разный ответ. Один говорит: мы не враждебны этой власти, пока она выполняет полезное для трудящихся масс дело. Другие отвечают: мы против всякой власти, всякую власть и во всякое время мы стремимся разрушить.

Итак, мы нашли одно коренное разногласие между большевиками-коммунистами и анархистами. Касается оно отношения к государству и не столько к государству вообще, как увидим дальше, сколько отношения к государству-коммуне, к власти рабочих и крестьян.

Рассмотрим поэтому, что такое государство и как смотрят на него коммунисты. Что государство есть орган насилия и принуждения, это знает каждый обыватель, к которому приходит квартальный для взывания налога, каждый крестьянин, у которого продавали самовар и корову за невзнос податей, каждый рабочий, которого за стачку против капитала сажали в кутузку и подвергали расстрелу. Что государство — это орган насилия, знает теперь, к счастью, и буржуазия, у которой против ее воли Советская власть отобрала банки, богатые дома, заводы и капиталы.

Весь вопрос в том, в чьих интересах это организованное насилие совершается, кто этими органами насилия владеет и как это случилось, что против государственной власти рабочих и крестьян восстают не только все контр-революционеры и вся буржуазия, но их союзниками оказываются в этом отношении и анархисты.

Самодержавно-дворянское государство.

Было время, когда государства совсем не существовало. Это было тогда, когда не существовало и классов, когда люди не делились на богатых и бедных, на живущих своим трудом и на эксплуататоров чужого труда. И не случайно совпадение, что государства не было тогда, когда не было деления людей на классы. Когда из первобытной родовой земледельческой общины, где все были равны, стала выделяться верхушка людей зажиточных, когда эта верхушка оказалась во главе вооруженных сил общины и во время войны с соседями могла расширить свои владения путем грабежа побежденных чужих народов, а потом

и своего собственного, то появилась почва для возникновения государства. Постепенно бароны, графы, князья, как военачальники племени и крупные землевладельцы, стали обрастать учреждениями, представляющими зародыш государства. Князь судил своих соплеменников и, разумеется, как судья, прежде всего охранял свои интересы, свои привилегии от покушения верноподданных. Вот зародыш классового суда.

Решение этого суда приводили в исполнение его подручные. Вот зародыш полиции.

На войну или для подавления крупных волнений внутри своей территории пускалась в дело дружина. Это—зародыш солдатчины будущего.

Приняв «христианство» и задоблив представителей религии подарками и дарением земельных угодий, князь или граф получает в свое распоряжение духовную полицию и поддерживает свои привилегии на эксплуатацию не только мечом и кнутом, но крестом и евангелием. Вот зародыш слияния церкви и государства, т.-е., в сущности, превращение церкви в орудие господствующего класса для духовного закабаления народа.

Когда в борьбе отдельных графов, баронов, князей между собою победа остается за сильнейшим и этот сильнейший с титулом великого князя, короля или императора делается верховным главой в стране, то из зародышей государства возникает настоящее, большое монархическое государство. Барон, царивший раньше в своем округе над своими крестьянами, теперь соединяется с остальными баронами, графами и князьями, все они толпятся теперь у трона «обожжаемого монарха» и не каждый по отдельности в своем месте, а все сообща управляют народом. Из сложения власти отдельных мелких бояр, баронов и князей и крупных землевладельцев, дворян получается власть всего класса земельных собственников и аристократов. Создается целое акционерное общество властителей, которые образуют единый союз, направленный против народа, и каждый участник, вступая в союз, как бы страхует себя и гарантирует себе поддержку всех членов своего класса.¹

Теперь уже князь или барон не выходит на крыльцо судить тяжбу с крестьянином за нарушение его баронской собственности, за невзнос налога и тому подобное. Этим делом занят теперь назначенный государством, т.-е. всем союзом дворян и кня-

зей, судья. Когда надо привести приговор в исполнение и наказать протестующего против обирательства бедняка, то этим делом занимаются не старые подручные и дружинники барона, а государственная полиция, т.-е. подручные всего класса дворян и князей. Что же касается самого монарха, то он считается еди-нодержавным властелином, на деле же прикрывает самодержавие земельных собственников над всем остальным народом. Эта ширма выгодна дворянам, потому что монарх разыгрывает роль справедливого правителя, перед которым все равны. Он иногда накажет одного или другого зарвавшегося барина, даст на пятак справедливости, чтоб легче было сдирать миллионы в пользу всего дворянского класса под видом аренды, государственных податей и т. д.

При таком союзе дворян, ясное дело, класс грабителей усиливается, и трудящиеся массы оказываются разрозненными, разбитыми и отдельные восстания угнетенных безнадежными. Если раньше отдельного крестьянина, над которым совершал насилие граф или барон, поддерживали все крестьяне графства, если дружина барона не в силах была подавить движение, то бывали случаи, что баронов и князей прогоняли из сел и городов, создавались свободные города и области. Теперь уже это невозможно. Если, допустим, крестьянская корова потоптала дворянскую пшеницу, крестьянина судья присудит заплатить штраф. Если штраф заплатить крестьянину нечем или он считает его несправедливым, судебный пристав продает крестьянскую корову для уплаты штрафа. Если крестьянин окажет сопротивление, его арестует полиция. Если вся деревня или волость не даст сделать арест, пришлют еще больше полиции или войска. Если восстанет весь уезд, вся губерния, вся область, то государство дворян пошлет все свои свободные войска и полицию, чтоб подавить движение, и в конце концов ценой тысяч убитых и разоренных и миллионами убытков заставят крамольного мужика заплатить рублевый штраф за потраву. Теперь все дворянское государство ошетинится своими штыками, чтоб поддержать до конца отдельного дворянина против крестьянина даже в самом маленьком деле.

Таким образом, организация дворян в самодержавное государство страшно усилила этот класс, сильно ослабила трудящиеся массы и сделала их беззащитными против своих грабителей.

Из всего сказанного нужно сделать два вывода.

Вывод первый и самый главный состоит в том, что, вообще, государство возникает тогда, когда возникает деление людей на классы, когда появляется собственность, которой одни владеют, другие нет, когда эту собственность надо защищать всему классу собственников, когда возникает привилегированный класс и эти привилегии ему приходится защищать от рядовых людей, когда выделившемуся богатому и знатному классу не только надо защищать свои богатства и права, но и увеличивать их за счет трудящегося народа.

Вывод второй заключается в том, что не государство порождает деление людей на классы, создает неравенство между людьми и эксплуатацию одних людей другими, а, наоборот, возникновение классов и экономического неравенства порождает государство, как организацию эксплуататоров. Но, раз возникши, государство усиливает угнетательские классы и еще больше увеличивает то экономическое неравенство, на почве которого оно само возникло.

Буржуазное государство.

Но самодержавно-дворянское государство (его принято называть феодальным государством) не вечно, как не вечна экономическая сила, на которой оно построено, сила крупного помещичьего землевладения. Постепенно в недрах дворянского государства появляется и растет класс торговой и промышленной буржуазии. Жадное до удовольствий и роскоши, дворянство начинает разоряться, буржуазия начинает скупать помещичьи земли, в руках буржуазии оказывается вся промышленность, вся торговля и часть земледелия. Она с жадностью смотрит на доходы дворянского класса, получаемые от аренды за землю, от разных повинностей крепостных крестьян, а главное — от государственных налогов, расходящихся по карманам правящего страной дворянства. Буржуазии необходимо отнять от дворянства его источники доходов и сделать их своей добычей, добычей капитала. Чтоб этого достигнуть, чтоб избежать самой обиды со стороны дворянского государства в виде пошлин и т. д., чтобы приспособить государство к потребностям капиталистического способа грабежа, а не дворянского, буржуазии

необходимо прогнать от власти своего конкурента по ограблению трудящегося народа. Это изгнание осуществляется путем буржуазных революций и заканчивается либо полным переходом власти в руки буржуазного класса, либо сделкой буржуазии с дворянством. Так или иначе, но новое государство приспосабливается к интересам капитала, к интересам его накопления, его охраны от покушений со стороны трудящихся масс.

Буржуазное государство, в сущности, очень мало отличается от самодержавно-дворянского государства, если смотреть на дело с точки зрения угнетенного класса, с точки зрения пролетариата. Как для пойманной в силки птицы переход из узкой клетки в более просторную не означает еще свободы, так и для рабочего класса замена самодержавно-дворянского государства буржуазным есть лишь расширение клетки, а не ее уничтожение.

Остановимся сначала на различиях этих двух типов государства. При самодержавно-дворянском государстве страной правит дворянский класс, прикрывшись ширмой монарха, якобы стоящего над всеми классами и ко всем одинаково благожелательного. Трудовые массы должны делать то, что им прикажут, и не рассуждать. Здесь насилие кучки грабительской аристократии над большинством трудящихся ничем не прикрыто, оно откровенно, прямо, грубо.

Наоборот, при буржуазном строе насилие имущего меньшинства над большинством прекрасно замаскировано, особенно там, где государственная власть сосредоточена в руках парламента, избранного на основе всеобщего или близкого ко всеобщему избирательному праву. Современный буржуа обделывает свои дела по «управлению» трудящимися чище, чем дворяне с замашками Держиморды и станového пристава. Тут насилие так же замаскировано видимостью формальной свободы, как замаскирована эксплуатация рабочего капиталистом в области экономической. Например, при крепостном праве крестьянина прямо заставляют работать, скажем, три дня в неделю на барина, и каждому ясно, что половину труда своего крестьянин, вынужден отдавать паразиту-помещику. При капиталистическом же строе рабочий может «свободно» выбрать, умереть ли с голоду или идти работать к капиталисту за ту плату, которую тот ему назначит. Тут замаскирован широкой прозрачной свободой и такой факт эксплуатации и то, какую долю своего труда рабо-

чий отдает капиталисту, как крепостной помещику, в виде неоплаченного труда. То же самое и с организацией насилия в том виде, в каком она проявляется или, вернее, затушевывается в буржуазном обществе. Докажите-ка сразу, что парламент, избранный большинством населения, является в конце концов органом, способствующим подавлению большинства трудящихся кучкой капиталистов? Это доказать не так просто, и только сама жизнь учит рабочий класс постичь всю хитрую механику капитализма и по достоинству оценить государство, которое отвечает интересам и потребностям торжествующего капитала.

В буржуазном обществе верховная власть принадлежит парламенту. И в то время, как в самодержавно-дворянском строе рабочему и крестьянину просто приказывают и при сопротивлении берут без разговоров за шиворот, теперь даже и у трудящихся классов спрашивают раз в 3—4 года, кого они хотят выбрать в парламент.

Подумать только, какая честь и как после этого можно удержаться от соблазна в серьез считать себя свободным человеком!

Правда, трудящихся спрашивают раз в 4—5 лет при выборах только потому, что заранее знают, каков будет ответ. Знают, что крестьянин выберет либо помещика, либо попа, либо «обращенного» кулака, как это происходило до сих пор на Западе. Знают, что рабочие пошлют в парламент прикидывающихся социалистами адвокатов, либо социал-патриотов и прихвостней буржуазии вроде Шейдеманов и лишь меньшинство пролетариата отдаст свои голоса действительным революционным социалистам.

Буржуазия это знает, и ей есть полный расчет, вместо прямого насилия над массами, вместо назначения правительства сверху, устроить так, чтобы массы сами выбрали себе начальников, которые будут их стегать.

Когда же появляется опасность, что в парламент пройдут в большинстве если не действительные социалисты, то хотя лишь соглашатели с буржуазией, то буржуазия не стесняется отменить всеобщее избирательное право, как это было в Саксонии, разогнать негодный парламент, как это сделал Керенский с финляндским сеймом, и т. д. Вместо всеобщего избирательного права вводится в таком случае избирательное право лишь для владельцев толстого кармана и собственности вообще. Вся ложь

и весь обман относительно того, что парламент выражает волю народа, рассеивается как дым. Парламент потому и существует и его до тех пор и терпит буржуазия, пока он всецело выражает волю буржуазии. И если теперь избирательное право получают лишь собственники и тем самым буржуазия открыто заявляет, что в капиталистическом обществе власть принадлежит толстому карману, то это не значит, что при всеобщем избирательном праве дело обстоит иначе. Просто тогда обстоятельства не вынуждали буржуазию в этом сознаться.

В сущности, всеобщее избирательное право в буржуазном обществе даже теперь встречается весьма редко. Победившая дворянство или вступившая с ним в сделку буржуазия считает даже подделки под всеобщее избирательное право, вроде теперешних, либо рискованным, либо совершенно излудшим экспериментом. В дальнейшем, буржуазия убеждается, что предоставление избирательных прав трудящимся классам не опасно, что находящимся в кабале у капитала массам можно смело предоставить право свободно выбирать раз в 3—4 года между плеткой и нагайкой, если массы этого добиваются, начиная борьбу за избирательные реформы.

И только в годы пробуждения народных масс, в предреволюционные периоды буржуазия, снова чувствуя свою слабость, вынуждена отбрасывать демократические украшения своего господства и либо сводить парламент к роли бессильнойговорильни, либо осуществлять дело подавления народных масс неприкрытым насилием.

Вообще же парламент нужен буржуазии не только для обмана народа (пока это средство помогает), но по ряду других причин. Во-первых, для того, чтобы загнать в правый угол парламента своего прежнего врага—земельную аристократию и показать, что большинство народа не на стороне дворянского класса. Во-вторых, парламент важен буржуазии, как политическая биржа для сделок между различными группами имущих классов капиталистического общества.

Ведь буржуазия является сплоченной лишь тогда, когда выступает против пролетариата.

Внутри же самой буржуазии существуют различные группы с различными интересами: финансовая буржуазия (владельцы банков), крупно-промышленная буржуазия, средняя буржуазия и непримыкающая к пролетариату часть мелкой буржуазии.